

Научная статья. Политические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-022-036

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ АСЕАН И РОССИЕЙ В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ: ВЗГЛЯД РЕАЛИСТА

Евгений Александрович КАНАЕВ ¹

¹ ИМЭМО РАН, Москва, Россия,

e.a.kanaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

Аннотация: В статье проводится попытка определить возможности и системные ограничения сотрудничества между Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Российской Федерацией (РФ) в цифровом пространстве, а также дать оценку его наиболее перспективным направлениям. Выявлены характер и особенности политики АСЕАН в цифровой сфере с точки зрения реализации проектов и инициатив исключительно в цифровом пространстве, оснащения цифровыми инструментами нецифровых форматов сотрудничества, создания необходимых цифровых институтов, поддержки стартапов, а также развития диалога ассоциированных государств по линии науки, технологий и инноваций. Рассмотрены основные результаты сотрудничества АСЕАН и России, представлены факторы, обусловившие их недостаточно развитые экономические и коммерческие связи. Раскрыты причины, в силу которых основательный задел Российской Федерации в создании эффективных цифровых инструментов, относящихся, в том числе, к искусственному интеллекту, не стали фактором повышения масштаба и качества диалога с АСЕАН. С точки зрения автора, основная причина состоит в отсутствии у России развитых нецифровых инструментов осуществления своей политики как основы для внедрения цифровых инструментов и решений. Поскольку 2026 год ознаменует 35-летие отношений между сторонами и 30-летие полномасштабного диалогового партнерства России и АСЕАН, настоящая статья имеет несомненную актуальность. Стоящая перед Россией и Ассоциацией потребность в осмыслении итогов диалога и развитии его практикоориентированных направлений, при проведении их комплексной и академически выверенной оценки, определяет теоретическую и практическую значимость подготовленной работы.

Ключевые слова: АСЕАН, Россия, цифровая трансформация, цифровые проекты и инициативы, стратегическое партнерство, экономическое сотрудничество, цифровое измерение

Для цитирования: Канаев Е.А. Сотрудничество между АСЕАН и Россией в цифровой сфере: взгляд реалиста // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 1, № 1 (70). С. 22–36. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-022-036

COOPERATION BETWEEN ASEAN AND RUSSIA IN THE DIGITAL FIELD: A REALIST'S VIEW

Evgeny A. KANAEV¹

¹ IMEMO RAS, Moscow, Russia,
e.a.kanaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

Abstract: The article aims to specify possibilities and system constraints of cooperation between the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the Russian Federation (RF) in the digital field, as well as assess its most promising directions. The nature and specifics of ASEAN's policy in the digital field from the perspective of implementation of its initiatives exclusively in the digital area, the equipment of non-digital formats of cooperation with digital tools, the establishment of digital institutions, supporting startups, as well as the evolution of ASEAN-led dialogue in the science, technology and innovation field, are revealed. Main results of cooperation between ASEAN and Russia are considered; the factors behind its insufficient economic and commercial ties are presented. The reasons why Russia's solid background in developing effective digital tools, including those relating to the Artificial Intelligence, have not contributed to bringing the dialogue with ASEAN to a quantitative and qualitative new level are uncovered. In the author's opinion, the main reason accounts for lack of developed non-digital tools as the foundation for operationalizing the digital tools and solutions at Russia's disposal. As the year 2026 marks the 35th anniversary of relations between the parties and 30th anniversary of Russia-ASEAN full dialogue partnership, the article has obvious relevance. The necessity to conceptualize the outcomes of the dialogue and the development of its practically orientated directions, as well as to undertake their comprehensive and academically balanced assessment, that Russia and the association are encountering is behind the theoretical and the practical significance of the paper.

Keywords: ASEAN, Russia, digital transformation, digital projects and initiatives, strategic partnership, economic cooperation, digital dimension

For citation: Kanaev E.A. Cooperation between ASEAN and Russia in the Digital Field: A Realist's View. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, Vol. 1, № 1 (70). Pp. 22–36. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-022-036

На 2026 год приходится несколько знаменательных дат в сотрудничестве между Российской Федерацией и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Это 35-летие отношений между Москвой и Ассоциацией как многосторонним диалоговым форматом и 30-летие полномасштабного диалогового партнерства РФ и АСЕАН. Поскольку круглые даты в эволюции какого-либо процесса или явления дают основание подвести его промежуточные итоги, обратимся к их рассмотрению. А учитывая, что оценка таких итогов должна носить не отвлеченно-умозрительный, а предметный характер, целесообразно комплексно проанализировать реальную, а не декларативную эффективность сотрудничества России и АСЕАН в цифровой сфере.

Проведение такого анализа тем более своевременно, что Ассоциация уделяет пристальное, а главное – растущее, внимание развитию цифровых инструментов своей политики, в том числе имеющих отношение к искусственному интеллекту (ИИ). Хотя России есть, что предложить Ассоциации в этой области, такая готовность не проецируется на практику российской политики в ЮВА и не ведет к существенному, а главное – устойчивому, расширению российского экономического присутствия на азиатском юго-востоке. Несмотря на то, что автор является российским ученым, он считает целесообразным проанализировать это противоречие с асеановского ракурса, чтобы дать оценку мотивам именно АСЕАН.

Цифровое измерение политики АСЕАН

О том, что Ассоциация уделяет большое внимание развитию цифровых инструментов своей политики, усматривая в этом важнейший фактор ее конкурентоспособности, подготовлено немало работ¹, в том числе автором настоящей статьи². Не пересказывая их содержание, суммируем основные направления политики Ассоциации.

Во-первых, АСЕАН развивает проекты и инициативы, осуществляемые исключительно в цифровой сфере, а совершенствует также цифровые инструменты поддержки своих нецифровых диалоговых форматов. В первом случае отметим, что движение стран Ассоциации в этом направлении началось в 2000 г. с подписанием Рамочного соглашения о формировании электронного пространства АСЕАН (хотя отдельные упоминания о ее планах по развитию ИКТ содержатся в документе Перспективы АСЕАН 2020, принятом в 1997 г.). За этим последовала разработка Ассоциацией узкоспециализированных направлений сотрудничества, примерами чего служат Рамочное соглашение АСЕАН о защите персональных данных (2016), Рамочное соглашение АСЕАН

об управлении цифровыми данными (2018), Генеральный план АСЕАН по развитию ИКТ 2015 (2011), Генеральный план АСЕАН по развитию ИКТ 2020 (2015) и иные. Параллельно Ассоциация подготовила стратегические документы, задающие параметры ее целеполагания в отношении цифровой трансформации. К таковым относятся Консолидированная стратегия АСЕАН в отношении Четвертой промышленной революции (2021), Генеральный план АСЕАН по цифровому сотрудничеству 2025 (2021) и Генеральный план АСЕАН по цифровому сотрудничеству 2030 (2026).

Помимо инициатив, реализация которых, повторимся, происходит полностью в цифровой сфере, Ассоциация создает цифровые инструменты поддержки своих нецифровых многосторонних форматов. Показательным примером служат ее действия по апгрейду Соглашения АСЕАН торговле товарами (*ASEAN Trade in Goods Agreement – ATIGA*, АТИГА), отражением чего стала разработка Электронного сертификата происхождения товаров, Электронного документа для обмена данными об экспортных декларациях между таможенными органами стран АСЕАН (*ASEAN Customs Declaration Document*) и Электронного фитосанитарного сертификата. Подписание в 2025 г. обновленной версии АТИГА³ свидетельствует не только о нацеленности Ассоциации на приведение своих проектов и инициатив в соответствие с современными реалиями, но и о готовности подкрепить ее на практике.

Совершенствуется институциональная основа политики Ассоциации в цифровой сфере. Функционируют Совещание министров АСЕАН по цифровому развитию (*ASEAN Digital Ministers Meeting – ADGMIN*), до 2019 г. носившее название Совещание министров АСЕАН по развитию телекоммуникаций и информационных технологий (*ASEAN Telecommunications and Information Technology Ministers Meeting – TELMIN*), Совещание старших должностных лиц по вопросам цифрового развития (*ASEAN Digital Senior Officials Meeting – ADGSOM*) с более узкоспециализированной Рабочей группой, Сетевой совет АСЕАН по вопросам безопасности (*ASEAN Network Security Action Council – ANCAS*) и некоторые другие структуры⁴. Это служит очередным подтверждением серьезности планов Ассоциации развивать цифровую повестку своей политики.

Большое внимание АСЕАН уделяет поощрению трансграничной активности корпоративного сектора своих стран-участниц, в том числе на низовом уровне. Показательным примером служат стартапы. Ассоциация приняла ряд документов, прямо или косвенно поощряющих развитие трансграничных стартапов, а также осуществляет

сотрудничество с внерегиональными партнерами⁵. Отдельно стоит упомянуть такую инициативу, как Премия АСЕАН в области цифровой трансформации (раньше она называлась Премия АСЕАН в области развития ИКТ). Ее номинации включают премию за создание продукта в государственном и частном секторах, премию за цифровой контент, премию в области цифровой инклюзивности, премию в области цифровых инноваций и премию за цифровой стартап⁶. И хотя различные подходы государств АСЕАН к требованиям локализации данных не позволяют трансграничным стартапам в полной мере реализовать свой потенциал, то обстоятельство, что АСЕАН осознает их значимость и предоставляет им комплексную поддержку, правомерно отнести к сильным сторонам ее политики.

Отдельным и исключительно важным направлением политики АСЕАН, имеющим отношение к цифровой сфере, было и остается научно-технологическое и инновационное сотрудничество. Оно началось в 1970-е годы, и к настоящему времени приобрело самостоятельный и самодостаточный характер, оставаясь интегрированным в целеполагание Ассоциации. Создан Фонд АСЕАН по поддержке научных исследований (бывший Трастовый фонд АСЕАН по развитию науки и технологий), запущена т.н. «Инициатива Краби» (*Krabi Initiative*) с акцентом на развитие инноваций АСЕАН для глобального рынка, цифровой экономики, новых медиа и социальных сетей, зеленых технологий, инструментов укрепления продовольственной и энергетической безопасности, водопользования, биоразнообразия в интересах здоровья и благополучия, науки и инноваций для повседневных нужд (*Science and Technology for Life*)⁷. Публикуются и регулярно обновляются Планы действий АСЕАН в сфере науки, технологий и инноваций. И хотя это направление развивается неровно, со множеством пробуксовок и пятчатых движений по причине отсутствия у Ассоциации собственных ГЦС и иных активов, к которым это сотрудничество могло бы быть приложено, тем не менее, оно прямо и опосредованно создает эффект мультипликатора для цифровой интеграционной повестки АСЕАН.

Наконец, Ассоциация придает большое значение развитию инструментов искусственного интеллекта. Из основных документов отметим Руководящие принципы АСЕАН по управлению и этике ИИ (2024), Руководящие принципы АСЕАН по управлению и этике ИИ, относящиеся к генеративному искусственному интеллекту (2025) и Дорожную карту АСЕАН по ответственному использованию ИИ на 2025-2030 годы (2025). И хотя на пути эффективной реализации этой повестки

сотрудничества остается немало сложностей⁸ тем не менее, Ассоциация осознает ее важность и перспективность.

Переходя к основным вызовам, с которыми сталкивается Ассоциация, отметим наложение нецифровых и цифровых факторов ее уязвимости. В первом случае важную роль играет отсутствие глобальных цепочек стоимости (ГЦС) с участием предприятий исключительно стран АСЕАН, в результате чего затруднена полноценная цифровая поддержка трансграничных производственных обменов между ними. Во втором – неразвитые инструменты формирования трансграничной цифровой инфраструктуры, поскольку прокладку 5G кабелей осуществляют компании не стран Ассоциации, а ее внерегиональных партнеров. Наибольшей популярностью среди потребителей ЮВА пользуются социальные сети и контент-платформы тех же партнеров, которые, дополнительно к развитию этих ресурсов, реализуют образовательные программы по развитию цифровых навыков как ИКТ-специалистов, так и рядовых пользователей в странах ЮВА. Не менее значимо и то, что АСЕАН не может интегрировать повестку развития искусственного интеллекта в свои многосторонние проекты и инициативы, поскольку для этого отсутствуют необходимые содержательные, институциональные и нормативные инструменты. Каждый из этих факторов в отдельности, не говоря об их совокупности, препятствует развитию цифровой интеграционной повестки АСЕАН и совершенствованию ее цифровой экосистемы.

Принятие в ряды Ассоциации Восточного Тимора не лучшим образом скажется на возможностях ее цифровой политики. Дело не в том, что страна не обладает развитой цифровой инфраструктурой (учитывая ее малые размеры, построить такую инфраструктуру не станет сложной задачей), а в ее принципиальной неготовности полноценно включиться в цифровое сотрудничество в ведомых усилиями Ассоциации многосторонних форматах. Для этого отсутствует объективная основа. Например, Восточный Тимор едва ли нацелен на внедрение в практику инструментов цифровой поддержки АФТА, поскольку его доля в общем объеме торговли товарами стран Ассоциации в 2024 г. составила лишь 0,03%⁹.

В общем и целом, Ассоциация придает большое значение развитию цифровой повестки своей политики. Однако осознавая свои ограничения, она нацелена на расширение и углубление сотрудничества с внерегиональными партнерами. Одним из таковых является Российская Федерация, имеющая немало перспективных наработок в области создания и повышения эффективности цифровых инструментов.

Отношения АСЕАН с Россией и факторы их эволюции

На тему отношений АСЕАН с Россией подготовлено немало трудов, авторы которых, в общем и целом, изучили содержательные, институциональные и нормативные аспекты этого сотрудничества и дали оценку его промежуточным итогам¹⁰. Не пересказывая содержание существующих публикаций, зададимся вопросом: почему присутствие России в экономической жизни Юго-Восточной Азии было минимальным как до всплеска антироссийских ограничительных мер в 2022 г., так и после их активизации? Ответ на этот вопрос позволит выявить глубинные факторы, стоящие за неготовностью Ассоциации и входящих в нее стран системно и целенаправленно расширять взаимодействие с Россией.

Перед тем, как переходить непосредственно к выявлению причин недостаточно развитых экономических связей АСЕАН с Россией, перечислим факторы их взаимного интереса. Как Ассоциация, так и Россия нацелены на диверсификацию своих возможностей, разработав перспективные ниши и тем самым повысить свою конкурентоспособность. Стороны рассматривают сотрудничество друг с другом как потенциально выгодный модернизационный ресурс, который может оказаться полезным дополнительным инструментом для повышения эффективности своей политики. Наконец, Россия и ряд государств Ассоциации рассматривают такое сотрудничество как фактор реализации своих глобальных планов, связанных, в частности, с расширенным форматом БРИКС.

Что же касается собственно экономического измерения этих отношений, то причин его малоубедительных результатов набирается достаточно. Прежде всего, у России отсутствует глобальный проект, в который интегрировались бы региональные направления ее политики. То, что разрабатывается как Большое евразийское партнерство, представляет собой больше ориентир, к которому целесообразно двигаться, чем конкретный и поэтапный план действий с понятными параметрами. Время от времени высказывается мнение, что институциональной основой Большой Евразии могла бы стать ШОС¹¹. В этой связи напрашивается ряд вопросов: почему ШОС, фактически, самоустранилась от влияния на события вокруг Ирана в 2025-2026 годах? И почему за три десятилетия своего существования (если считать ее историю от образования Шанхайской пятерки в 1996 г.) она не выработала эффективно работающих механизмов защиты своих участников?

Нет ясности и с экономической составляющей Большой Евразии, в частности, с консолидирующими мотивами к сотрудничеству между расположенными там странами. Одни лишь индийско-китайские противоречия дают основания в перспективности этого формата (если считать его ориентированным на достижение практического результата). Еще меньше конкретики в дискуссиях о мировом большинстве, особенно на фоне отсутствия реакции БРИКС Плюс на события вокруг Ирана, равно как действующих практикоориентированных проектов и инициатив (то, что есть, находится на стадии проработки). Для АСЕАН и входящих в нее стран эта ситуация имеет большое значение, поскольку перспективные планы Ассоциации предполагают больший, нежели раньше, акцент на повышении собственной конкурентоспособности (в терминах документов АСЕАН – *resilience*). Соответственно, если практикоориентированные направления сотрудничества отсутствуют, то нет со стороны Ассоциации и содержательных попыток наладить взаимодействие с этими форматами.

В обозримой перспективе ожидать всплеска интереса АСЕАН к проекту Большая Евразия нет веских оснований. К этому не располагает сама международная обстановка, поскольку агрессия против Ирана, систематическое обострение индийско-китайских и индийско-пакистанских отношений и тому подобные события делают южную Евразию зоной перманентной нестабильности. При этом отношения с географически близкими государствами играют более важную роль, чем с партнерами, расположенными в других регионах¹². В таких условиях можно обоснованно предположить, что внимание Ассоциации будет сосредоточено не на подключении к новым проектам, а реализации тех, которыми она занимается уже долгое время (АФТА, ВРЭП и пр.).

Во-вторых, Ассоциация и Россия не выработали не то, что стройную и эффективную систему, а даже отдельные компоненты своего целеполагания в отношении друг друга. Статус отношений АСЕАН с Россией – стратегическое партнерство, установленное в 2018 г. В этом контексте показательна разница между торговлей АСЕАН с Россией и ЕС-27 (Евросоюз стал стратегическим партнером АСЕАН в 2020 г.): 19,9 млрд. долл. и 252,2 млрд долл. в 2018 г., и 226,8 млрд долл. и 14,1 млрд долл. в 2020 г. соответственно (последние цифры нужно воспринимать с поправкой на фактор пандемии)¹³. В связи с этим необходимо уточнить ряд моментов. Какие стратегические вопросы и каким именно образом стороны решают при помощи этого формата взаимодействия? Каким именно стратегически ориентированным перспективным планам АСЕАН и России это партнерство содействует? Какова

«добавленная стоимость» стратегического партнерства по сравнению с полномасштабным диалоговым партнерством, и за какие конкретно заслуги (по логике, их появление должно относиться к нескольким годам перед сингапурским председательством в Ассоциации) Россия получила этот статус? Каковы отличительные и конкурентные преимущества России по сравнению с другими стратегическими партнерами АСЕАН (напомним, что Евросоюз получил этот статус на два года позже России)? Ни в документах, определяющих развитие отношений России и АСЕАН, ни в концептуально-нормативных положениях, задающих параметры интеграционной политики Ассоциации, эти моменты не прояснены.

В-третьих, в ткани экономического и коммерческого присутствия России в Юго-Восточной Азии не решаются, а лишь накапливаются застарелые проблемы. Это отсутствие в регионе российских ГЦС, а на их основе – узнаваемых брендов, а также влиятельных диаспор и лоббистских структур, которые способствовали бы продвижению интересов России в этих государствах. Слабо представлена трудовая миграция, а также корпоративный обмен специалистами и профессиональный туризм. Россия не участвует во Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), которое является основной интеграционной инициативой Ассоциации, выходящей за пределы ЮВА, с которой АСЕАН связывает особые планы. В последнее время к этим проблемам добавился фактор антироссийских ограничительных мер, количество которых по состоянию на 12 августа 2025 г. составило 25 691¹⁴. Это обстоятельство, а также перспектива расширения таких мер, воспринимается компаниями стран ЮВА как серьезный бизнес-риск и сдерживает их активность в налаживании сотрудничества с российскими партнерами.

Это сказывается на показателях России в торгово-экономическом сотрудничестве Ассоциации по сравнению с другими внерегиональными партнерами последней. В 2025 г. торговля товарами АСЕАН с Китаем, США и ЕС-27 составила 916,1 млрд долл., 552,8 млрд долл. и 320,2 млрд долл. соответственно, а с Россией – 17,8 млрд долларов. Примечательно, что в том же году торговля АСЕАН со Швейцарией и Италией, – странами, которых сложно отнести к мировым грандам, – составила 38,3 млрд долл. и 31,0 млрд долл. соответственно¹⁵. Сравнивая эти цифры, волей-неволей приходится задумываться о соответствии амбициозных планов Ассоциации и России достигнутому на практике результатам.

В общем и целом, рассмотренные выше факторы, обусловившие ограничения в сотрудничестве АСЕАН с Российской Федерацией, носят системный характер. Для решения накопившихся проблем необходимы не косметические, а фундаментальные меры. Поскольку анализ последних не входит в предметное поле настоящей статьи, отметим, что сложившаяся ситуация естественным образом проецируется на цифровую составляющую диалога АСЕАН с Россией.

Цифровое пространство в асеановско-российском сотрудничестве

Рассмотренные выше моменты задают параметры сотрудничества Ассоциации с Россией в цифровой сфере. Приходится признать, что оно не стало фактором, который привел бы к кратному наращиванию хозяйственных связей между сторонами с мультипликатором на нецифровые направления. Суммируя основные причины, отметим следующие.

Во-первых, уже упомянутое отсутствие в Юго-Восточной Азии российских глобальных цепочек стоимости не позволяет российским предприятиям осуществлять цифровую поддержку таких ГЦС (разумеется, в них должны участвовать предприятия государств АСЕАН) и формировать вокруг них цифровую экосистему. В ЮВА представлены все основные виды ГЦС – управляемые производителем (*producer GVC*), управляемые потребителем (*consumer GVC*) и аддитивные (*additive GVC*). В настоящее время эти цепочки проходят (безусловно, в разной степени и в разном скоростном режиме) цифровую трансформацию – преимущественно на основе т.н. расширенной автоматизации. Последняя включает роботизированную автоматизацию, интеллектуальное программное обеспечение и ИИ-технологии (интеллектуальные системы управления бизнес-процессами, компьютерное зрение и иные) при поддержке ИИ-средств обеспечения кибербезопасности. На этих направлениях российские решения не всегда совместимы с зарубежными аналогами, в том числе теми, которыми пользуются предприятия стран ЮВА. После ухода иностранных ИТ-компаний с российского рынка технологические разрывы будут усиливаться. Отсюда – невысокие шансы того, что российские экономические и коммерческие акторы смогут встроиться в ГЦС, тем более – трансграничные, долгое время функционирующие на пространстве ЮВА, равно как создать собственные (для этого российским компаниям не хватает масштаба вовлеченности в хозяйственные процессы региона).

Во-вторых, в странах ЮВА практически полностью отсутствуют российские цифровые экосистемы и т.н. суперприложения (*superapps*) на их основе. Частный пример, иллюстрирующий общую картину таких практик в ЮВА, относится к мессенджеру *LINE*, представляющему собой комплексную цифровую экосистему, услугами которой пользуется свыше 80% жителей Таиланда¹⁶. В основе суперприложений – т.н. «сетевая рента», получаемая посредством интеграции и комбинирования партнерских сервисов, что создает эффект масштаба и снижает транзакционные издержки для продавцов и покупателей. Для потребителей государств ЮВА этот фактор имеет огромное значение, учитывая, что многие, если не большинство, из них не пользуются банковскими картами. Суперприложения являются эффективным инструментом продвижения ИИ-решений и ИИ-экосистем, поскольку предлагают широкий спектр услуг с потенциалом внедрения ИИ-инструментов: финансовые транзакции, заказ такси, коммунальные платежи и пр. В России суперприложения пока находятся на уровне отдельных решений (Яндекс Такси, Яндекс Лавка, Яндекс Маркет, Яндекс Авиабилеты, Яндекс Афиша и другие) и ориентированы почти всецело на внутреннего потребителя.

В-третьих, отсутствие России в инициативе ВРЭП не позволяет ей подключиться к влиянию на выработку цифровых инструментов развития этого многостороннего формата. Учитывая, что участники ВРЭП активно разрабатывают цифровую повестку сотрудничества, примерами чего служат Глава 8 (торговля услугами), Глава 10 (инвестиции), Глава 12 (электронная коммерция) и Глава 19 (урегулирование споров)¹⁷, отсутствие во ВРЭП России не лучшим образом сказывается на возможностях ее цифровой политики в диалоге с Ассоциацией и входящими в нее странами.

В силу рассмотренных выше факторов необходим взвешенный и реалистичный подход к рекомендациям. Попытки выдать желаемое за действительное, будь то намеренные или в силу недостаточной осведомленности о фактическом положении дел, приведут к заведомо провальным результатам.

Во-первых, России необходимо усилить поддержку своих ИТ-компаний, давно осваивающих рынки стран АТР. Приоритетная сфера – кибербезопасность, где работают АО «Лаборатория Касперского», *IB Group* и *Infowatch*, сотрудничающие с государственными структурами и крупным бизнесом государств ЮВА и предлагающие партнерам не единичные услуги, а комплексные решения для рабочих станций, компьютерных сетей и внешних облачных ресурсов. В

условиях импортозамещения, когда приоритетом российских решений стали не международные стандарты, а протоколы собственной разработки, основанные на отечественных стандартах (а они не всегда совместимы не только с зарубежными, но и с отечественными же аналогами), опыт таких компаний становится исключительно ценным стратегическим активом. При условии расширения нецифровых направлений сотрудничества они являются «мостом» к партнерам из ЮВА.

Вторая рекомендация состоит в том, что российские компании должны подключиться к реализации многосторонних проектов с участием стран Ассоциации по тем направлениям, на которых Россия уже многого добилась сама. Речь идет, прежде всего, о Сети умных городов ACEAN (*ASEAN Smart Cities Network*): помимо прочего, в рамках этого проекта государственные структуры стран ACEAN реализуют совместные инициативы с внешними партнерами Ассоциации. Например, Министерство по землеустройству, городскому планированию и строительству Королевства Камбоджа сотрудничает с Министерством по вопросам землеустройства, инфраструктуры и ИКТ в сфере транспорта для городского планирования Республики Корея для обустройства Пномпеня и других камбоджийских городов, а Городское правительство Куала-Лумпура – с китайской компанией Алибаба для ИКТ-оснащения малайзийской столицы¹⁸. России есть, что предложить своим партнерам из государств ЮВА в сфере развития электронного правительства и государственных услуг, которые в Российской Федерации представлены на высоком уровне.

Третья рекомендация, предлагаемая некоторыми экспертами, носит больше умозрительный, чем реально осуществимый характер. Суть ее такова, что России целесообразно участвовать в строительстве инфраструктуры широкополосной связи на пространстве Юго-Восточной Азии. Отмечается, что это направление может быть увязано с реализацией Национальной программы РФ «Цифровая экономика». Перенос этих практик в страны азиатского юго-востока поможет последним решить ряд важных задач: обеспечить жителям отдаленных и сельских районов доступ к интернет-связи, а также оснастить ей расположенные там социально значимые объекты¹⁹. В реальности, однако, необходимо учитывать: как правило, партнерами в таких инициативах становятся предприятия государств, которые либо давно осуществляют строительство инфраструктуры, либо ее корпоративный сектор уже создал «критическую массу» коммерческого присутствия и деловых, в том числе трансграничных, контактов. В российском случае нет ни того, ни другого.

Этим, по существу, исчерпываются возможности российской политики в цифровом пространстве Юго-Восточной Азии (если, разумеется, смотреть на ее состояние и перспективы реалистично). Учитывая наработанный Россией задел, экспорт отдельных продуктов и решений возможен и даже вероятен. Однако отсутствие благоприятного внешнего контекста подрывает потенциал российской политики по системному выстраиванию ориентированной на РФ цифровой экосистемы на азиатском юго-востоке.

Выводы

Рассмотрение цифровой составляющей отношений АСЕАН и Российской Федерации сквозь призму перспективных планов Ассоциации в цифровой сфере и особенностей сотрудничества с Россией позволяет вынести ряд оценок.

АСЕАН уделяет значительное внимание развитию своих цифровых инструментов, усматривая в этом важный фактор повышения собственной конкурентоспособности. Отражением этого стала диверсифицированная нормативная и институциональная инфраструктура цифрового сотрудничества, формирование и эволюция которой увязаны с перспективными планами Ассоциации. Вместе с тем, осознавая недостаточность собственных ресурсов, АСЕАН стремится расширить сотрудничество с внерегиональными партнерами.

Российская Федерация была и остается одним из направлений этой диверсификации. Обладая сильной и конкурентоспособной на мировом уровне инженерной школой, Россия создала серьезный задел для такого сотрудничества, что, несомненно, вызывает интерес ее партнеров из Юго-Восточной Азии. Вместе с тем, общий контекст для содержательного диалога АСЕАН с Россией по практикоориентированным направлениям такого взаимодействия далек от благоприятного, поскольку для последнего нужны эффективно работающие нецифровые активы. Отсутствие таковых, фактически, подрывает возможности диалога между АСЕАН и Россией по цифровым вопросам.

По этой причине потенциал России как перспективного партнера Ассоциации для расширения и углубления сотрудничества в цифровой сфере не может быть в полной мере реализован. Учитывая фундаментальный характер проблемы, изменение сложившейся ситуации потребует от обеих сторон шагов, в количественном и качественном отношении выходящих далеко за рамки нынешнего содержания диалога между ними.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

КАНАЕВ Евгений Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦАТИ, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 12.04.2026;
одобрена после рецензирования 30.04.2026;
принята к публикации 15.05.2026.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. KANAEV, DSc (History), Leading Researcher, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS), Moscow, Russia

The article was submitted 12.04.2026;
approved 30.04.2026;
accepted to publication 15.05.2026.

¹ См. например: Владимирова А.В. Становление цифровой экономики и новые аспекты региональной интеграции: анализ основных итогов 32-го Саммита АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития 2018. Т. 1. № 1(38). С. 62-75; Рогожин А.А. Бум центров обработки данных в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. Т. 1. № 1(66). С. 11-23; Isono I., Prilliadi H. ASEAN Digital Integration: Evolution of Framework Documents. Jakarta: ERIA, 2023. P. 1-76. URL: <https://www.eria.org/uploads/10-Oct-ASEAN-Digital-Integration-Evolution-of-Framework-Documents.pdf>; Fong K. From Paper to Practice. Utilizing the ASEAN Guide on Artificial Intelligence (AI) Governance and Ethics. Trends in Southeast Asia. 2024. Issue 18. P. 1-25. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/06/TRS18_24.pdf

² Kanaev E. The Approaches of ASEAN Countries to Data Localization: Implications for ASEAN Integration // Southeast Asia: Actual Problems of Development. 2024. Vol. 3. № 3 (64). P. 11-23; Канаев Е.А. Укрепление кибербезопасности в экономической политике АСЕАН // Проблемы информационной безопасности и их решение в странах Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона. / Отв. ред. Е.М. Астафьева, А.А. Гарин. М.: Институт востоковедения РАН, 2024. С. 19-43; Канаев Е.А. Искусственный интеллект как фактор уязвимости Экономического сообщества АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 18-34.

³ Upgraded ASEAN Trade in Goods Agreement (ATIGA): a New Trade Playbook for Regional Business // ASEAN for Business Bulletin. 2026. First Edition. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2026/03/ASEAN-for-Business-Bulletin-First-Edition-2026.pdf>

⁴ Major Sectoral Bodies/Committees. ASEAN Digital Sector. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/asean-digital-sector/>

⁵ Подробнее см.: Канаев Е.А. Искусственный интеллект в деятельности вьетнамских стартапов как инструмент цифровой поддержки экономической интеграции АСЕАН // Вьетнамские исследования. 2025. № 4. С. 47-59.

⁶ Запуск премии ASEAN Digital Awards 2026. Vietnam.vn. 06.08.2025. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/phat-dong-giai-thuong-so-asean-2026>

⁷ Krabi Initiative 2010. Science, Technology and Innovation (STI) for a Competitive, Sustainable and Inclusive ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/documents/Krabi-101217.pdf>

⁸ Канаев Е.А. Искусственный интеллект как фактор уязвимости Экономического сообщества АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций. 2025. Т. 18. № 1. С. 18-34.

⁹ Figure 2.2.2. Merchandise Trade Share and Growth Rate (%) by ASEAN Member State, 2025 // ASEAN Key Figures 2025. Jakarta: the ASEAN Secretariat, 2025. P. 42. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/12/AKF-2025_v3_202601151314.pdf

¹⁰ Поскольку специалисты хорошо знают эти работы, ссылка на конкретные публикации представляется излишней.

- ¹¹ Шамахов В., Васильева Н. Новая геополитическая архитектура Большой Евразии // Государственная служба. 2015. № 6(98). URL: <https://pa-journal.igsu.ru/articles/r102/3575/>; Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций. 1018. Т.13. № 3. С. 19-32.; Еникеев Ш.М., Лукин А.В., Новиков Д.П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1. С. 129-148.
- ¹² Lukyanov F. How Covid-19 Reshaped the Global Order // Russia in Global Affairs. February 10, 2025. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/covid-19-lukyanov/>
- ¹³ Данные Статистического портала Секретариата АСЕАН. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly>
- ¹⁴ Total Sanctions against Russia. 22 February 2022 – 15 August 2025. Castellum.AI [n.d.]. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>
- ¹⁵ Данные Статистического портала Секретариата АСЕАН. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly>
- ¹⁶ How “Line for Business” in Thailand Drove 50% Sales Growth, Cut 200,000 Calls, and Transformed Digital Banking and Brand Experiences. LY Corporation Story. January 6, 2026. URL: https://www.lycorp.co.jp/en/story/20260106/lineth_forbusiness.html
- ¹⁷ Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-RCEP-Agreement-Full-Text.pdf>
- ¹⁸ Martinus M. ASEAN Smart Cities Network: a Catalyst for Partnerships. ISEAS Perspective. 2020. № 32. P. 7. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/02/ISEAS_Perspective_2020_32.pdf
- ¹⁹ Гомбоин Э., Каблуков К. Диалоговое партнерство Россия-АСЕАН в области цифровизации: состояние и перспективы // Международная жизнь. 2024. № 5. URL: <https://interaffairs.ru/author/material/2992>